

Политическая социализация: что будет завтра?

Развитие политической системы, стабильность или кризисы в политике, воздействие населения на власть и характер самой власти – все это зависит от того, какие навыки, установки и мнения в отношении политики распространены в обществе. Если сегодняшняя ситуация достаточно ясна, то вопрос о том, какое мы себе готовим политическое будущее – достаточно неопределен. Между тем это будущее формируется уже сегодня, через политическую социализацию детей и молодежи: через 10-20 лет они будут вести себя по отношению к государству, политическим партиям, выборам и революциям так, как научатся сегодня.

Социализация и манипуляция

Разговоры о политических манипуляциях сегодня настолько популярны (что само по себе уже результат манипуляции), что вокруг этой темы создаются устойчивые, часто неверные представления. Во-первых, для пессимистов, представление о том, что вся политика – обман, манипуляция, и, как хвастался один политтехнолог, можно избрать куда угодно даже домашнее животное, были бы деньги. Во-вторых, для оптимистов на этот раз, мнение о том, что манипуляциям можно успешно противостоять – с одной стороны, их можно разоблачать, а с другой – люди от них устают, а потому рано или поздно разного рода «технологии воздействия на общественное мнение» перестают работать. В-третьих, и уже для большинства – уверенность в том, что в большинстве случаев человек в политике – существо манипулируемое, достаточно лишь найти правильный подход, - в конце концов, выполнение обещаний и честный рассказ обо всем – тоже технология.

Если посмотреть на кратковременные, сиюминутные результаты воздействий на общественное мнение, то каждая из этих позиций может быть подтверждена. Однако очень часто оказывается, что есть формы политического поведения, на которые невозможно воздействовать с помощью манипулятивных технологий; порой политики не могут заставить людей сделать совсем простые и очевидные вещи. Это заметно, например, по результатам выборов, недавно прошедших во многих российских регионах: несмотря на благоприятствующие условия, Единая Россия так и не становится безусловным лидером. Это заметно и по самим политикам: какие бы ресурсы они не аккумулировали, какой бы властью не располагали, у них упорно получается «как всегда».

Одна из причин устойчивости моделей политического поведения заключается в том, что базовые установки в отношении политики усваиваются человеком один раз и на всю жизнь. Заметно упрощая, можно сказать, что если человек был искренним активным пионером – он и взрослым будет искренне и активно включаться во все инициативы, предложенные сверху; если в комсомол он вступил по обязанности – и дальше вся политическая деятельность будет для него «обязаловкой», которую нельзя принимать всерьез и от которой хорошо бы увильнуть; если с детства, на примере родителей и соседей он видит, что участие в выборах – право и необходимость, основанная на рациональном выборе – его отношение к политике и дальше будет основано на этом убеждении. Процесс политической социализации как раз в том и заключается, что человек воспринимает устойчивые образцы поведения, адекватные той политической системе, в которой он живет, происходит это обычно в юности; в дальнейшем эти образцы, как

правило, почти не меняются, разве только внешне, и каждое изменение дается с большим трудом.

С социализацией связаны две существенные проблемы. Во-первых, она может проходить как удачно, так и неудачно. Во-вторых, политическая система может меняться, и поколение, адаптировавшееся к одним условиям, бывает вынуждено действовать в совершенно других, где усвоенные образцы уже не адекватны.

Институты социализации вчера и сегодня

Традиционно основными институтами социализации – механизмами натаскивания на определенный тип политического поведения – считаются школа, семья, общественно-политические организации и средства массовой информации. Советская система активно использовала и прямое государственное воздействие через различные ритуалы, от всенародных выборов до всенародного же траура по усопшим вождям. В годы застоя большая часть институтов социализации деградировала вместе с государственной машиной: от контролируемого активизма они переходили к формированию корыстно-потребительского отношения к политике и, на другом полюсе, к политической апатии сопряженной с кухонной критикой. Люди, чья политическая социализация прошла в этот период, ведут себя именно так: либо используют политику как способ обогащения, не видя в ней другого смысла, либо не видят в ней смысла вообще, максимально дистанцируясь. Неудачи социализации породили диссидентов.

Кроме того, считается, что навыки политического поведения могут сформировать значимые события, особенно, если в них вовлечены большие группы населения. Бывшие красные бойцы, оказавшиеся в 1920-х гг. в вузовских аудиториях по направлению партии, часто пытались решать учебные задачи (доказательство теоремы Пифагора, законов Ньютона...) привычным методом – голосованием. Бывшие студенты 1960-х, несколько повзрослев к 1980-м гг., принялись решать политические вопросы привычными методами – бесконечными дискуссиями о смысле, истине и пути развития, физиках и лириках.

Если посмотреть на то, как осуществляется политическая социализация на протяжении последних 10-15 лет, появляется возможность спрогнозировать политическое будущее страны на ближайшие полвека.

Первое, что бросается в глаза – отсутствие значимых событий, где большие группы людей могли бы проявить свою политическую активность. Большинство постоянно оказывается скорее жертвой (или случайным пользователем – «это я удачно зашел») политики, никак не активным участником. Московские события августа 1991 и октября 1993 затронули лишь малую часть населения, почти не коснулись детей и молодежи, а потому не стали катализатором «революционной социализации» (напротив, таким катализатором для украинского юного поколения может стать Майдан Незалежности-2004).

Вторая важная черта постсоветской социализации – уход из этого процесса государства. Исчезновение обязательных государственных культов и ритуалов, обязательных общественных организаций, разгосударствление СМИ, снижение контроля над образованием – все это привело к тому, что процесс научения политическому поведению стал развиваться стихийно и разноразлично.

Несколько иначе, хотя и в русле тех же тенденций, происходит социализация подрастающего поколения политических элит. Наряду с советскими традициями, в 1990-е гг. появляются новые факторы: очевидная закрытость и локализованность политики, сочетающаяся с вседозволенностью и незащищенность перед главами политических кланов (на секретаря горкома можно было жаловаться в обком или в ЦК КПСС, а кому жаловаться на мэра?).

От поколения застоя к поколению реформ

Сейчас к власти начинают приходить люди, чья политическая социализация пришлась на период застоя. В самом общем виде это означает – люди, не получившие в юности навыков принятия самостоятельных решений. Легко увидеть, что и сегодняшние проблемы они пытаются решать «по-застойному»: ожидая приказа, даже ища его, либо строя абстрактные схемы, не связанные с жизнью. На крайний случай – сами себе придумывают приказ, называя его «объективными тенденциями», «позицией Москвы» или «международными стандартами».

Следующее поколение выросло в совершенно иной среде. Гипотетический портрет типично продукта социализации образца 90-х выглядит следующим образом:

- политическая некомпетентность. В отличие от старших, представители этого поколения даже не знают, каких приказов ждать и кто их должен давать, не говоря уже о самостоятельных политических решениях и действиях;
- ориентация на Запад как критерий любых политических действий. Это не обязательно копирование – возможен протест, возможна установка «у нас так никогда не получится», но сравнение с Западом – обязательно;
- романтизация и мифологизация советского прошлого, известного в основном по книгам \ кинофильмам и реликтовым остаткам в виде мелодий советского кино и советской символики как повода для стеба;
- отсутствие навыков политической организации и самоорганизации (советским людям такие навыки прививались с октябрят, западным – с детства через систему общественных организаций, включая школьные, представителям более традиционных культур – через трансляцию родовых и клановых механизмов самоорганизации);
- восприятие политики как отношений далеких и несущественных;
- навыки индивидуализма и множественности мнений, не характерные для предыдущих поколений, и отсутствие той политической (гражданской) дисциплины, которая в равной степени характерна и для советской, и для американской и для западноевропейской моделей социализации.

Легко предположить и доминирующую модель политического поведения, основанного на этих установках - отказ от участия во власти, готовность передать ее кому угодно с сохранением элементов все той же «обязаловки»: заставят – сделаем, но неохотно.

Разумеется, в каждый конкретный момент у власти находятся представители разных поколений, они обмениваются навыками и опытом, - что и создает минимальный баланс. Однако, - и проблемы нынешнего российского режима, опирающегося преимущественно на шестидесятников-семидесятников, это показывают, - любая элита вынуждена управлять тем народом, который получила в наследство и, в конечном счете, подстраиваться под него.

Вспоминается почему-то цитата из Юлиана Семенова – даже не читавшие «17 мгновений весны» могут вспомнить ее в исполнении Леонида Броневского: «это мост в будущее, это обращение к нашим детям, к тем, которым сейчас месяц, год, три года... Тем, кому сейчас десять, мы не нужны: ни мы, ни наши идеи; они не простят нам голода и бомбежек. А вот те, кто сейчас еще ничего не смыслит, будут рассказывать о нас легенды, а легенду надо подкармливать, надо создавать сказочников, которые переложат наши слова на иной лад, доступный людям через двадцать лет».

В общем, пора думать уже о следующем поколении.